

Лион Фейхтвангер

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ ГОСПОДИНА ХАНЗИКЕ

Франц Г.Ханзике, довольно тощий молодой человек, в очках, с длинным угреватым лицом и воспаленными глазами, стоял декабрьским вечером посреди своей комнаты на Борзигштрассе. Комната была окрашена в зеленый цвет, в ней находились кровать, стол, два стула – самая дешевая продукция оптовой мебельной фабрики «Дэвидсон и сыновья», – затем маленькая, чрезвычайно хрупкая книжная полка, радио и клетка; впрочем, обитательница клетки уже умерла.

Франц Г.Ханзике испытывал раздражение и усталость. Сторонник витаминизированного питания, учения об отборе лучших и о сверхчеловеке, член радикальной политической партии, агитирующий за диктатуру, а также Общества друзей рациональной обуви, он по профессии был приказчиком в книжном магазине. Однако его профессия доставляла ему мало радости, ибо люди не желали покупать его излюбленных авторов, и когда он предлагал воспоминания о войне или ницшевского «Заратустру», требовали книгу, где действие происходит в Восточной Пруссии, и непременно в зеленом переплете, и чтобы не дороже трех с половиной марок. Разочарованный в своей работе, ожесточенный отсрочкой прибавки (она дала бы ему возможность купить себе новый костюм и пройти в правление Общества), расстроенный к тому же отказом невесты, которую он из-за отсутствия денег три раза подряд приглашал просто погулять, не заходя в ресторан, наконец, рассерженный тем, что его комната отапливалась слишком скупо, Франц Г.Ханзике, у которого, когда он хотел зажечь газовую лампу, в довершение всего не загоралась спичка, решил больше никаких попыток не делать, а, открыв газ, дать утечь и своей собственной испорченной жизни.

И вот с тихим, певучим шорохом газ стал выходить из открытого крана, отчетливо выступавшего в широкой световой полосе, косо и неприятно резкой, которую клал поперек комнаты уличный фонарь.

Прежде всего у Франца Г.Ханзике возникло чувство упрямого и торжествующего превосходства. Это был первый решительный шаг в его жизни, и он совершал его без колебаний, он больше не позволит судьбе издеваться над ним. Он старался представить себе, что скажет его хозяйка, с которой ежедневно пререкался из-за слишком тонкого слоя масла на хлебе, что подумает владелец книжного магазина, отказавший ему в прибавке; втягивал в себя все усиливающийся сладковатый запах; попытался высчитать, долго ли еще это продлится, посмотрел на часы, войдя для этого в полосу света. Затем стал думать о том, как все-таки жалко, что он, такой молодой человек, философически настроенный и одаренный, должен умереть. Виной всему – общественный строй: нет диктатора. Интересно, как будет на его похоронах? Он представил себе заметки в газетах. «Анцейгер», наверное, напечатает извещение о смерти мелким шрифтом, может быть, даже без имени... Он стал испытывать легкое стеснение в груди – или это была игра воображения, – перед ним возникли образы людей в противогазах. Франц Г.Ханзике снял очки, ему казалось более достойным умереть без очков. «Страна, откуда никто не возвращается», – задумчиво изрек он и спросил себя, лечь ли ему на кровать, или приличнее отбыть в эту страну, сидя на стуле.

Вспомнилось заглавие «Глупец и смерть». Это была книга, несколько экземпляров которой он продал. Из-за одного экземпляра – покупатель непременно желал его вернуть, а он ни за что не хотел принимать обратно, – между ним и его принципалом произошло резкое столкновение. Затем Ханзике сообразил, что благодаря открытому крану газовый счет за этот месяц будет значительно больше и хозяйка, наверное, покроет убытки, воспользовавшись его вещами. Ему стало очень жалко себя, что вот приходится умирать таким одиноким. Захотелось увидеть человеческое лицо. Он подошел к окну, уже нетвердыми шагами, как ему казалось, – но люди внизу, на улице, двигались по глубокому снегу совершенно беззвучно и призрачно, словно они были уже по ту сторону жизни. Из радиоаппарата раздался невнятный шум, Ханзике подошел. Ему чудилось, что он уже еле волочит ноги, и он надел наушники, прижав ими свои оттопыренные уши. В аппарате добродушный, широкий голос рассказывал, с немного провинциальным акцентом, о черепахах. Не странно ли, что какие-то подробности о жизни черепах

оказались для Франца Г.Ханзике последними вестями из этого мира? Но все же отходить под звук какой ни на есть человеческой речи было легче, чем так, в беззвучности. «Очень маленькая черепная коробка, – рассказывал голос, – заполнена мозгом, масса которого не соответствует массе тела. Черепахи весом в сорок килограмм обладают мозгом, весящим меньше четырех грамм. Черепахи принадлежат к самым древним обитателям нашей планеты. Они способны выносить палящий жар и сушь, но не сильный холод. Особенно поражает их мускульная сила. Даже средняя земляная черепаха выдерживает тяжесть мальчика, сидящего на ней верхом, а гигантская черепаха может нести нескольких взрослых мужчин, и притом на далекое расстояние. Кроме того, черепахи могут будто бы жить в течение невероятно долгого времени без пищи и даже не дыша. В течение многих месяцев после самых ужасных повреждений организм их выполняет свои естественные отправления как ни в чем не бывало. Их жизнеспособность, по-видимому, очень велика: в Парижском зоологическом саду одна болотная черепаха прожила шесть лет, не принимая пищи».

Приказчик из книжного магазина, Франц Г.Ханзике, дыша с закрытым ртом и все еще в наушниках на оттопыренных ушах, прошел, увлекая за собой радио, тяжелыми и теперь действительно нетвердыми шагами к окну, порывисто распахнул его, глубоко вдохнул в себя воздух, вернулся и выключил газ. Его слегка тошнило, но он испытывал невероятный подъем и сильный аппетит.

В комнате был еще легкий сладковатый запах, и голос в аппарате еще продолжал рассказывать. Франц Г.Ханзике надел изношенное легкое пальто; теперь он пойдет выпить стакан пива, может быть, даже вина, затем отправится в дансинг и поищет себе там невесту. Когда он уходил, возвратилась хозяйка.

– А знаете ли вы, – возбужденно крикнул он ей, – что черепаха может везти на себе нескольких мужчин?

Хозяйка решила, что он сказал непристойность, и выругалась ему вслед.

Тем временем добродушный, широкий голос в аппарате заканчивал свое сообщение. «Люди, – заявил голос с сильным баварским акцентом, – берут по отношению к черепахам немалый грех на душу, ибо их выносливость принимается за признак особенно

крепкого здоровья. Но черепаха чрезвычайно чувствительна к самым, казалось бы, незначительным воздействиям среды. Все дело в том, что она страдает медленно.

И поэтому возникает ложная уверенность, что она может все перенести».

notes

Notes